

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

*Вартумян А. А.,
Наумова Н. А.
(Ставрополь)*

УДК 93/94

**КОНСТРУИРОВАНИЕ ЭТНИЧЕСКОЙ КАРТЫ ВОСТОЧНОЙ ПЕРСИИ
РОССИЙСКИМИ ИССЛЕДОВАТЕЛЯМИ В ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XIX-XX ВВ.**

В XVIII в. в России зарождается этнографическая наука, достигшая к началу XX в. больших успехов и находившаяся в авангарде мировой этнографии [12, с. 6]. Становление и развитие этнографических исследований в нашей стране в XIX – начале XX вв. совпало с расширением границ Российской империи. Интерес к народам Востока, особенно проявляется в это время, что отчасти объяснялось геополитическими притязаниями России в данном регионе, в том числе в Персии. Этнический состав населения страны, его численность и особенности быта привлекают внимание российских исследователей.

В известном, многотиражном издании, предназначенном для популяризации познаний жителей Российской империи о других государствах и народах, приводилась классификация, жителей Персии по этническому принципу. Нельзя сказать, что она отражала позицию научного сообщества России, скорее устоявшиеся клеши и стереотипы, сформировавшиеся во время общения дипломатов, военных и предпринимателей с жителями Персии. Разумеется, она не выдерживала жесткой критики, но в глазах обывателя ее достоверность не подлежала сомнению. Она конструировала представления россиян о жителях страны.

Авторы представленного издания этнических персов считали красивым народом, трудолюбивым, но вынужденным жить в сложных климатических и социальных условиях. Они составляли большинство жителей страны. Кроме них, проживали турко-татары, так назывались тюркоязычные народы Персии, главным образом, включавшие азербайджанцев, составлявших значительную часть населения страны. На востоке Персии турко-татары были представлены туркменскими племенами. Они, по сведениям авторов издания, не столь красивы, так как имели низкий рост и не отличались особым трудолюбием, но это с лихвой компенсировалось их воинственностью, поэтому значительная часть персидской армии комплектовалась турецкоговорящими подданными Каджаров, кстати, и сама правящая династия относилась к тюркам [7, с. 7].

Эту точку зрения, в общем, поддержал ряд других авторов. Высоко морально-нравственные и внешние данные персов оценивал С. С. Остапенко¹, выделяя их любознательность, остроумие, вежливость в общении и т.д. [9, с. 53]. С ними полностью соглашался Н. И. Березин. По его мнению, персы проявили упорство, сохранив свой язык, ассимилировав многих кочевников, другим предав более цивилизованный вид. Самыми красивыми персами, Н. И. Березин, считал южан, в меньшей степени взаимодействовавших с другими народами [2, с. 27]. Очевидно, сюда автор относил и большую часть жителей Восточной Персии.

Следует подчеркнуть, что российский дипломат князь М. Е. Белозерский, находившийся в 80-е гг. XIX в. в Персии придерживался несколько иной классификации жителей Персии. В северной части страны, по его мнению, доминировали тюрки или персы, подвергшиеся сильному влиянию со стороны тюрков. Для него они энергичные и смелые люди с

¹ Приват-доцент Киевского коммерческого института. В феврале-апреле 1919 г. премьер-министр Украинской народной республики.

чувством личного достоинства. В Южной Персии преобладал персидский антропологический тип – люди более высокого роста, хитрость и лукавство являлись их отличительными чертами, что расходится с предыдущими оценками персов. Смешанный тюрко-персидский тип дипломат считал эталоном красоты [1, с. 94].

Этнические персы для Н. П. Данилова также не являлись в антропологическом отношении единым народом. В зависимости от региона чувствовались процессы этнического взаимодействия на севере с тюркскими племенами, в том числе в Хорасане, на юге страны с негроидными народами [4, с. 15].

С самого начала своих заметок о Восточной Персии, Н. А. Зарудный отмечал многонациональный состав ее населения, иногда представлявший интересный материал для этнографов. В Восточной Персии доминировали персы, таджики и белуджи, но этот факт не исключал наличие уникальных этнических и религиозных групп. В России о данных племенах (народах) существовали самые пространственные представления, вписываясь в европоцентристскую концепцию «отсталых азиатских народов».

Даже И. А. Зиновьев, занимавший с 1876 по 1883 гг. должность посла России в Тегеране, в частности писал о белуджах как о «полудиких племенах», а Белуджистан для него безжизненная пустыня [6, с. 38]. Несмотря на наличие границы между Персией и Британской Индией, И. А. Зиновьев отрицал ее существование де-факто, ссылаясь на необходимость поддержания стратегических коммуникаций между Персией и Британской империей посредством морских перевозок, так как по суше эти контакты невозможно было осуществить.

Население Хорасана П. И. Огородников делил на оседлых жителей и кочевников илиатов (илатов). С этой классификацией соглашались авторы военно-статистического сборника, составленного в 1868 г. [3, с. 8]. Позже этой классификацией придерживался Н. П. Данилов также к илатам, относивший всех кочевников страны, насчитывая до 73 племен [4, с. 14]. Н. П. Данилов являлся большим авторитетом в изучении антропологии народов, населяющих Персию. Он проработал более пяти лет врачом при российском посольстве в Тегеране. Составители военно-статистического сборника делил илиатов, проживавших в Персии на три большие группы. Первая – тюркские племена, поселившиеся в стране во время монголо-татарского нашествия (600 тыс. чел.). Вторая – курды (400 тыс. чел.) и лорийцы (700 тыс. чел.). Часть курдов проживала в Северном Хорасане, где их шахское правительство селило для противодействия нашествиям туркменских племен [3, с. 8]. Лорийцы в основном проживали на юге и юго-востоке страны. Третья – потомки арабских завоевателей (300 тыс. чел.), кочевавшие, в том числе и в Хорасане. Лорийцев, Н. П. Данилов относил к числу чистокровных иранцев, отважных и отчаянных, которых боялись даже шахские чиновники. О лорийцах (лурийцах)¹ авторы издания «О Персии и персах» в целом высказывались в положительном ключе, чего нельзя сказать об арабах, которые во многом напоминали по роду деятельности курдов [7, с. 8]. В свою очередь П. А. Ритгих илиатов сравнивал с российскими калмыками и киргизами [10, с. 200].

В 1901 г. ряд российских авторов илатов (в издании они называются иляты) относил к числу персидских цыган, ведущих кочевой образ жизни. Данная позиция полностью не совпадает с предыдущими взглядами. Занимаясь легальной экономической деятельностью, в частности торговлей скотом, они вполне прибегали к воровству [7, с. 8].

П. А. Ритгих, перечисляя селения Кермана, где проживали люли (цыгане) к одному из родов причислял лори, то есть, очевидно, лорийцев [7, с. 201]. Данная позиция несколько расходится с предыдущей точкой зрения. Либо здесь наблюдается совпадение названия, либо применяется неточная терминология.

¹ Луры – народ, принадлежащий к западноиранской подгруппе иранской группы индоевропейской семьи языков. Они в основном проживают в юго-западной части Ирана, небольшая часть находится на севере провинции Фарс.

С повседневностью люли П. А. Риттих познакомился, находясь в Кермане. Они вели образ жизни, схожий в глазах российского обывателя с жизнью цыган в России. Они занимались кузнечным промыслом, выполняли различные столярные работы и вели бродяжий образ жизни, в том числе используя попрошайничество и воровство в качестве способов заработка средств. Поэтому сбор податей с люли создавал большую проблему для персидской администрации. Часть люли во время сбора налогов прибывала в Керман на 2-3 месяца. Другую половину люли специальным чиновникам приходилось разыскивать на территории Кермана и за его пределами и собирать с них подати [7, с. 201]. Люли, проживавшие на территории самой провинции, П. А. Риттих оценивал в 1,5 тыс. чел.

П. А. Риттих среди илатов самыми многочисленными народами считал белуджей и афшаров, которых он подразделял на 50 племен. Во главе каждого племени стояли ханы (султаны), передававшие свою власть по наследству и подчинявшиеся напрямую губернаторам. Афшары относились к тюркоязычным племенам, очень воинственным и не раз своими разбойничьими набегами создававшими много проблем оседлому населению и местным властям [7, с. 201].

До конца XIX в. в России имели отрывочные сведения о белуджах. Экспедиции Н. А. Зарудного и П. А. Риттиха открыли этот народ для российской этнографии. П. А. Риттих обратил внимание на идентичность белуджей. Часть из них считала себя потомками арабов, убивших в Кербеле имама Хусейна, и вынужденных скрываться в малопригодных для жизни районах. В районе оазиса Джалка Н. А. Зарудный посетил район расселения одного из племен белуджей, также сохранивших предание об их переселении в Белуджистан из Западной Персии. Правда, никто толком из местных жителей не мог вспомнить, почему это произошло.

Проживая в суровых климатических условиях, и расценивая это как испытание, белуджи полагали, что Бог им дал право заниматься разбоем, что становится частью их повседневности [7, с. 267]. П. А. Риттих выделял внешние признаки, отличавшие их от персов. Они были высокими и статными людьми, сильными и мужественными. Особенно путешественник отмечал красоту мужчин. Белуджи в отличие от персов не употребляли опиум и другие наркотические вещества, вели моральный образ жизни, поэтому у них практически не было проституции и венерических заболеваний. Правда, с одним примером такого рода путешественник столкнулся, но полагал, что он, скорее всего, является исключением [7, с. 286]. Его удивляла независимость женщин у белуджей, они вполне могли в присутствии гостей ругаться на своих мужчин.

П. А. Риттих относил белуджей к арийской расе, близким по антропологическому типу к афганцам. На юге Белуджистана он встречал белуджей, относившихся к негроидной расе, полагая, что эта часть белуджей возникла в результате их смешения с выходцами из Восточной Африки [7, с. 266].

Находясь на юге персидского Белуджистана, Н. А. Зарудный познакомился с местным племенем мекрани, имевшим, по его мнению, черты негроидной расы. Скорее всего, об этом народе писал П. А. Риттих. Данное племя считалось низшим в иерархии племен Белуджистана, напоминая касту неприкасаемых в Индии, возможно здесь и проявлялось влияние восточного соседа. Именно за счет данного племени шла поставка рабов в Персию. Ханы Белуджистана к рабам относились хорошо, как писал Н. А. Зарудный как к любимым собакам или лошадям, но ими наряду со скотом уплачивали подати, спокойно разбивали семьи и т.д. [5, с. 227]. В одном из регионов провинции П. А. Риттих встретил белуджей внешне, напоминающих ему евреев. Трудно объяснить данное заключение автора. Немногочисленная еврейская община проживала на территории Восточной Персии, но фактов ее проживания в Белуджистане не отмечалось.

П. А. Риттиха очень заинтересовал язык белуджей. Он разделил его на несколько наречий. В Бампуре и в западной части Белуджистана белуджи и персы неплохо понимали друг друга. Ближе к востоку и югу провинции язык белуджей больше напоминал древне-

персидский язык с различными лингвистическими добавлениями. П. А. Риттих отмечал отсутствие у белуджей письменности. Новой тенденцией в Белуджистане в последние годы становится приобщение элиты к классическому персидскому языку [7, с. 267].

У П. И. Огородникова, кочевники Хорасана и других восточных регионов страны в основном были представлены курдами, переселенными сюда из Курдистана по инициативе Тегерана, их использовали для борьбы с набегами на территорию Персии туркмен и других народов [8, с. 391]. Кроме применения курдов для защиты границ Хорасана, персидские шахи стремились таким образом ослабить Курдистан, всегда создававшего Тегерану большие проблемы из-за свободолюбивого характера курдов. Разумеется, курды сопротивлялись проведению этой переселенческой политики.

Расчеты шахского правительства на курдов в Хорасане, по мнению П. И. Огородникова, себя не оправдали в полной степени. Они нередко, ощущая на себе гнет правительства, или из-за желания разбогатеть за счет местного населения заключали союзы с Хивинским ханством или туркменами и устраивали совместные набеги на территорию Хорасана [8, с. 391]. Кроме этого, они постоянно провоцировали конфликты с соседними туркменскими племенами в поисках добычи. По сведениям П. И. Огородникова, к 70-м гг. XIX в. центрами расселения курдов в Хорасане стали города Кучан, Боджнурд (Боджнурд), Бом, Дерегез, Чинарана. Правда, только меньшая часть курдов перешла к оседлому образу жизни, занимаясь сельским хозяйством и ремеслом. Кочевники передвигались по территории, отведенной им правительством для выпаса скота. Именно курды-кочевники не отказались от политики разбоев. Следует подчеркнуть, что курды, по мнению П. И. Огородникова, вплоть до 30-х гг. XIX в. претендовали на политическое лидерство в Хорасане. Только укрепление власти шаха в Хорасане несколько подорвало эти притязания на власть. По его свидетельству, курды, как и остальные кочевники, составлявшие основу вооруженных сил Персии, пренебрежительно относясь к оседлому населению страны [8, с. 12]. Курдский хан Хорасана подчинялся напрямую шаху.

Такие оценки курдов в целом доминировали в текстах российских исследователей. Курды в представлениях Н. П. Данилова и К. А. Баумгартена, гордый и смелый народ, занимающийся как земледелием, так и животноводством [4, с. 26]. Причем курды, по мнению ученых, сильно отличались друг от друга в уровне развития культуры и хозяйственной деятельности. В Кочане курды имели довольно высокий уровень жизни в сравнении с соседними народами. Эти различия наложили отпечаток на специфику быта и наречий различных курдских племен. Авторы также относили курдов к числу самых беспокойных народов страны, постоянно, приносивших проблемы центральному правительству.

Н. И. Березин курдов и белуджей причислял к самым диким племенам Персии, их жесткость и физическая сила служила залогом успеха в столкновениях с другими народами страны [2, с. 26]. Сравнивая по физическим данным белуджей с персами, П. А. Риттих отмечал силу и выносливость белуджей по сравнению с «дохлыми персами» [7, с. 256]. К. А. Баумгартен, посетив курдов в Кочане увидел мужественных и в то же время спокойных людей [11, с. 26].

Несмотря на свою «дикость» курды не избежали процесса ассимиляции с другими народами. Находясь в Белуджистане в г. Базман, Н. А. Зарудный обнаружил ассимилированных курдов, ранее переселенных сюда Надир шахом. Они утратили свой язык и стали шиитами. Большая их часть идентифицировала себя в качестве персов. В Тамане Н.А.Зарудный встретил курдов, ассимилированных белуджами. В то же время часть элиты некоторых районов Белуджистана постоянно подчеркивала свою курдскую идентичность, оказавшись в данном регионе по приказу шаха Аббаса [5, с. 102]. В Систане ученый встречает курдов-суннитов, говоривших на удивительном наречии, включающим смесь персидских и белуджиских слов, причем у них курдский язык исчез практически полностью.

К оседлому населению Восточной Персии П. И. Огородников, как и большинство европейцев, относил таджиков и персов. В то же время, авторы военно-статистического

сборника, упустили из вида персов, считая, что именно таджики являются коренными персами. Конечно, с такой точкой зрения не соглашалось подавляющее большинство российских исследователей, разделявших персов и таджиков на два разных народа, хотя и принадлежавших к одной языковой семье. Все оседлое население Персии 60-е гг. XIX в. оценивалось в 4 млн. чел. (таджики, турки, армяне, гербы, евреи) [3, с. 8].

Первой этнической группой Восточной Персии, привлекавшей внимание П. И. Огородникова, становятся таджики. Автор соглашался, что они принадлежали к числу коренных народов Хорасана, но П. И. Огородников полностью отвергал теорию о том, что таджики являются «идеальным типом» иранцев, подчеркивая существенные различия между двумя народами [4, с. 14]. Это относилось к культурным, языковым, религиозным особенностям двух народов, существенным отличиям в повседневной жизни и в ведении хозяйства.

Таким образом, российские исследователи в последней трети XIX – начале XX вв. Восточную и Южную Персию представляли в качестве многонационального региона, включавшего различные этнические и религиозные группы населения, находившиеся на различной стадии развития. Процессы мирного сосуществования и межкультурного взаимодействия сопровождались острыми этническими и религиозными конфликтами, которые обострялись слабостью центральной власти в Персии.

Список источников и литературы

1. Белозерский, М. Е. (1886). *Письма из Персии: [От Баку до Испагани. 1885-86 г.]*. СПб.: Военная типография.
2. Березин, Н. И. (1910). *Персия*. СПб.: Типография Тренке и Фюсна.
3. *Военно-статистический сборник* (1868). Вып. III. Персия, Белуджистан, Средне-Азиатские владения, Китай, Япония, Северо-Американские Соединенные Штаты, Мексика, Бразилия и Республики Средней и Южной Америки. Сост. Н. Н. Обручев. СПб.: Военная типография.
4. Данилов, Н. П. (1894). *К характеристике антропологических и физиологических черт современного населения Персии*. М.: Типография Д. И. Иноземцева.
5. Зарудный, Н. А. (1916). *Третья экспедиция по Восточной Персии (Хоросан, Сеистан и Персидский Белуджистан): 1900-1901 гг.* Петроград: М. М. Стасюлевича.
6. Зиновьев И. А. (1912). *Россия, Англия и Персия: С прил. карты Персии*. СПб.: Тип. А. С. Суворина.
7. *О Персии и персах* (1901). Под ред. В. С. Соловьева. СПб.: Постоянная комиссия народных чтений.
8. Огородников, П.И. (1878). *Очерки Персии*. СПб.: Всемирный путешественник.
9. Остапенко, С. С. (1913). *Персидский рынок и его значение для России*. Киев: Типография И.И. Чоколова
10. Риттих, П. А. (1901). *Отчет о поездке в Персию и персидский Белуджистан*. Ч. 1. СПб.: Воен. учен. ком. Гл. штаба.
11. *Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии* (1896). Вып. LXIII. Поездка по Восточной Персии Л.-Гв. Волынского полка поручика Баумгартена в 1894 г. (Географическо-торговое исследование). СПб.
12. *Три века российской этнографии: страницы истории* (2017). М.: Три века российской этнографии: страницы истории.

References

1. *Tri veka rossiyskoy etnografii: stranitsy istorii* (2017). [Three Centuries of Russian Ethnography: pages of history]. Moscow, Tri veka rossiyskoy etnografii: stranitsy istorii Publ. (in Russian).